

ГАЛИНА ОРЕХАНОВА

ЛИЧНОСТЬ ЕГО ОГРОМНА

Залпы военного салюта прогремели 2 апреля 2020 года на Троекуровском кладбище в Москве во славу бессмертия великого Человека, всей жизнью своей и судьбой доказавшего непобедимость и стойкость духа, легендарного русского писателя Юрия Васильевича Бондарева.

Личность его огромна. Размах влияния ума, благородства и жизненной поступи трудно измерить.

... Шёл 1992 год. Потерянный, обескураженный народ в разброде и шатаниях пытался самоопределиться после свершившейся контрреволюции августа 1991-го, искал разумное решение для дальнейшего развития судьбы своей страны. На площади телецентра в Останкино группа анпиловцев, очертив мелом на асфальте границу “Освобождённой территории СССР”, отстаивала своё право на жизнь и свободу. В ночь на 22 июня у костра “ровно в четыре часа...” люди взволнованно слушали голос Левитана: “... без объявления войны, вероломно...”. Неожиданно всё прекратилось – появились автобусы, из них посыпались нелюди в чёрных рубашках, с дубинками бросились на сидящих у костра. Началась бойня... Избитые и окровавленные люди утром скопились в холле редакции “Советской России”, а вечером из Останкино к Кремлю потекла людская река ПРОТЕСТА. Демонстрацию сотрясала речёвка: “Ельцин убийца”. По ходу колонна наполнялась людьми, и на площади у Рижского вокзала вылилась в огромную чашу гнева (как в концлагере, говорили фронтовики, которых в числе демонстрантов было много). Среди них – писатели-сталинградцы: Юрий Бондарев и Михаил Алексеев, не находил себе места в толпе Михаил Петрович Лобанов, потрясённый, с огромными кричащими глазами, метался поэт Юрий Кузнецов...

Скопление людей грозило взорваться: путь к центру столицы был перекрыт со всех сторон тяжёлыми грузовиками, в оцеплении – ОМОН.

А люди всё прибывали и прибывали, казалось, им не будет конца, площадь кипела. Я подошла к Бондареву: “Юрий Васильевич, надо что-то делать!”

– Пойдёмте! – резко сказал он и быстро направился к оцеплению, перегородившему проспект Мира.

Молодые, в основном растерянные лица плыли перед глазами.

– Ребята! Это писатель Юрий Васильевич Бондарев, знаете его книги?

– “Горячий снег”, “Горячий снег”, “Горячий снег”... – покатило по цепочке.

Они понимали, что происходит, в упор смотрели на знаменитого, многими любимого писателя. Затаив дыхание, я ждала, что скажет Бондарев, фронтовик, прошедший всю войну, мужественный, бескомпромиссный человек. Повисла тяжёлая пауза. Он заговорил спокойно, негромким глуховатым голосом: “Ребята, я знаю, что такое приказ. Хорошо знаю. Поверьте. Но вы подумайте, каждый про себя, ведь вечером вы войдёте в свой дом, там дорогие вам люди, жена, сын... или крохотка-дочка.. Че-

рез год-два повзрослевший сын вас спросит: “Папа, а что ты делал, ну, тогда, когда люди восстали?” Свои люди, братцы, соотечественники ваши... Подумайте об этом”, — закончил он неожиданно жёстко. А за оцеплением маячил осатанелый “начальник”, который, надрываясь, шипел: “Не вступать! Не вступать! Не вступать!!!”

Не выдержав, я крикнула: “Это же Бондарев! Неужели не пустите?!”

— Да пожалуйста... — ответил он, шкодливо усмехнувшись (за спиной Бондарева уже скопилась масса людей). — Нет! Нет! Только вы!

— Все! Дайте пройти! — отрезал Бондарев.

— Не-е-ет!! Не пушу!!! — заорал “начальник”.

Бондарев резко развернулся и быстро пошёл к центру площади, которая давно уже была оцеплена со всех сторон, метро закрыто. Это случилось в день начала Великой Отечественной войны 22 июня 1992 года.

“Юность командиров”, “Батальоны просят огня”, “Последние залпы” — первые повести, с которыми в начале 50-х годов Юрий Бондарев уверенно входил в русскую литературу, любимую им беззаветно с ранней юности. По окончании войны, которую прошёл всю, до самого конца, он поступил в Литературный институт им. М. Горького — жажда учиться была безудержной. Литература приняла его сразу, оценив по достоинству силу незаурядного таланта и бесценного жизненного опыта очевидца тех событий, которым он посвящал свои книги. Роман “Горячий снег”, вышедший в конце 60-х, принёс писателю всемирную известность и славу.

“Мы стали солдатами в восемнадцать лет. В войну моё поколение научилось любить и верить, и ненавидеть, принимать и отрицать, смеяться и плакать. Мы научились ценить то, что в силу привычки теряет цену в мирные дни...” — писал Юрий Бондарев.

Сегодня его книги, как никогда, современны, но погрязшее в низости и пошлости общество оступело настолько, что не знает, чем занять себя в своём доме. Однако не хочет ни слушать, ни знать, с каким душевным подъёмом, как жадно принимали их соотечественники, едва-едва начинавшие отходить от боли и страданий военного лихолетья, книги Юрия Бондарева, которые буквально взорвали сознание общества тем, о чём в них говорилось: во время войны, на фронте, вопреки жестокости битв и фронтовых будней утверждались нравственные основы советского гражданина с его культом человечности. В книгах писателя-фронтовика естественно переплетались леденящие душу факты фронтового быта и вдохновенные порывы восторженного восприятия мира юношей, входящим в жизнь, по воле рока ставшим солдатом; документальная жестокость войны и восторг вдохновенного поэта, очарованного красотой и всемогуществом жизни. Писатель раскрывал самые сокровенные, самые важные думы народной памяти. Такой подход к осмыслению опыта войны Юрием Бондаревым ставил веху в истории русской литературы. Эту мысль образно выразил Василь Быков: “Все мы вышли из бондаревских “Батальонов...”. Юрий Бондарев стал признанным лидером целого направления советской литературы: произведения “военной прозы” полнились именами Виктора Астафьева, Григория Бакланова, Евгения Носова и Виктора Курочкина, Василя Быкова, Константина Воробьёва, Бориса Васильева, Виктора Некрасова, Владимира Богомолова...

Самое удивительное — книги Юрия Бондарева о войне дают людям заряд огромной силы, в них добро учит такой человечности, какой сегодня, порой, не получишь и толики в мирной и сытой жизни. Герои книг Юрия Бондарева — люди красивые, одержимые мечтой о высоких порывах, думой об идеале, они ценят в других и в себе человеческое достоинство и не мыслят жизни без страдания. Это люди богатые нравственно, мелочность им не знакома. Каких девушек повстречаете вы в его книгах! Величественные и прекрасные, они женственны и отважны. И каким возвышенным и почтительным чувством в отношении к ним наполнены души мужские!

Никогда не забуду голос Юрия Бондарева, прозвучавший ранним утром летом 1991-го, когда в редакции раздался звонок и голос его прохрипел в трубке: “Погибла Юлия Друнина. У меня в руках её записка. В ней строки стихов “...Как летит под откос Россия, не могу, не хочу смотреть!” Она покочичила с собой... Это протест”. Он чеканил слова, как отливал пули, в них было спрессовано столько боли и уважения, скупого мужского преклонения: “Она была прекрасным человеком высочайшего благородства. И мужества. Санинструктор. Понимаете, что это такое?! Девочка, юная, хрупкая, нежная,

беззащитная, она бросалась в самое пекло боя и, не зная страха, тащила неподъёмного и неподвижного окровавленного бойца. И спасала ему жизнь. Не одну жизнь. И никогда ни слова упрёка всем нам, сильным, здоровым...”.

Откройте книги Юрия Бондарева, и вы найдёте ответы на те важнейшие вопросы, что не дают нам сегодня покоя.

“В характере людей мы исследуем историю. В событиях истории мы познаём человека. Мы хотим осознать истоки духовной силы – это обостряет наше отношение к жизни, напоминает о мужестве и боевом товариществе, скреплённом общей кровью и борьбой... Принаряжать историю – это значит непростительно забыть о тех, кто под таранным натиском танков в бессилии погиб на изрытых снарядами полях сражений в первые отчаянные месяцы войны... Будущий историк прикоснётся к годам этой священной войны с фашизмом – и будет потрясён мужеством нашего народа”.

Бондарев работал одержимо. Напряжённость творческой загрузки зашкаливала. Работа над романом “Горячий снег” длилась несколько лет, в 1969 году он был опубликован, в эти же 60-е годы вышли повести “Двое” и “Родственники”, параллельно Бондарев писал и ещё одну книгу. Она вышла в 1964 году под названием “Тишина”.

В ней поднята особая, горькая тема, на которой заострить внимание советское общество не решалось очень долго. Юрий Бондарев был первым, кто вошёл в запретные двери. “Тишина” не просто интересная, очень смелая, высокохудожественная книга. Это роман, в основе которого лежит личная судьба и трагедия его автора.

“Да, это очень и очень личное, – подтверждает Юрий Бондарев. – Я вырос в прекрасной семье. Мама украинка, умная, красивая, хлебосольная хозяйка, влюблённая в свою семью. Благодаря ей я стал писателем... Мы жили всегда небогато, но счастливо. Отец был интеллигентом, вышедшим из деревни. В нём было то настоящее мужское, чего так не хватает современным отцам... Я много ездил с ним по России, и я знал, что какие бы трудности ни встретились нам на дороге, мне с отцом не страшно. В семье нашей было трое детей. Я очень любил младшего брата. Он погиб в тот же день, когда посадили отца... И до сих пор я ощущаю ответственность перед памятью отца. Все книги мои связаны с памятью”.

Середина шестидесятых – расцвет таланта и необычайной популярности на родине и за рубежом писателя Юрия Бондарева. Книги расходились молниеносно, огромными тиражами. Он не уставал встречаться с людьми в библиотеках и институтах, по всей стране, вступал в диспуты с иностранными корреспондентами и рабочими коллективами, и везде его книги были прочитаны, их не только знали, их любили, они побуждали людей думать, искать, стремиться к действию, и всегда на диспутах писателю задавали неизменный вопрос: в чём смысл жизни? Зачем работает художник?

Он отвечал, часто обращаясь к примеру Толстого, которого любил и у которого учился, кто был для него непререкаемым авторитетом в искусстве художественного творчества. “Поразительное здоровье исходит от книг Толстого. Послушайте, как звучит, как вырастает крепнущая волна толстовской мысли... Толстой никогда бы не поднялся до роли властителя дум и чаяний, не будь он стойким выразителем дум народа. Но что такое сама литература? Это и память истории, и память народа. Это память и совесть как единое целое”.

В начале 70-х выходит новый роман Юрия Бондарева “Берег”, и он вновь поражает читателя неожиданностью сюжета и масштабом философских раздумий о сущности бытия. Роман покорял пронзительной мелодией любви, пронизавшей всю ткань художественного повествования, образами героев, не только воплотивших красоту личностей участников рассказанной истории, но и отразивших величие идеалов страны, их воспитавшей. По ним, этим героям, будут судить потомки о той великой Державе, которой верным солдатом, защитником до последнего вздоха оставался выдающийся русский художник слова Юрий Васильевич Бондарев.

Богатство его литературного наследия полнится книгами, в которых он не уставал откликаться на самые острые, самые актуальные проблемы текущей жизни страны. Один за другим выходят романы “Выбор”, “Игра”, “Искушение”, “Непротивление”, “Бермудский треугольник”, и в каждом из них читатель находит то главное, что тревожит его, не даёт уснуть по ночам, а именно: стремительную эволюцию общества совсем не в лучшем направлении.

Именно этому противостоял писатель. Настойчиво он ищет причины уродливых проявлений общественной жизни, особой сферой его внимания становится интеллигенция, которой он выставил счёт как творцу той культурной атмосферы в стране, где тревожные процессы деградации художественных идеалов, выходящих под флагом модерна, становятся всё очевиднее. “Настоящее не может быть оторвано от прошлого, — не уставал повторять Юрий Бондарев, — иначе теряются нравственные связи. В настоящем всегда есть прошлое”. Каждой своей книгой он объяснял эту мысль, он восстал против растления, оно становилось всё очевиднее, подминая под себя всё чистое, естественное, жизнелюбивое. Юрий Бондарев продолжал бороться за власть человечности.

Но конец XX века, зверея, неудержимо насаждал новые “идеалы”, и они с иезуитской изворотливостью принуждали общество предавать свою историю, свою культуру, самих себя. Официальная пропаганда, ломая души, привычный, утверждённый веками образ и стиль жизни, впихивала общество в какую-то вновь испечённую этику. Здравый смысл отступал, пасуя перед напором разврата. Юрий Бондарев жестоко страдал: “То, что случилось с нашей страной и нашей историей, — это моя жизнь, и я не хотел бы от этого отрешиться, хотя невыносимо больно и трудно примириться со многим”. Страна сползала в пропасть, деградировала её великая культура, так недавно восхищавшая мир, насаждался культ жестокости и разбоя.

Ночью с 3-го на 4 октября 1993 года тревожный телефонный звонок разорвал тишину. Взяв трубку, я услышала: “Посмотрите в окно, идут танки, в полной боевой выкладке, с полевой кухней. Это очень серьёзно”. Это был голос Юрия Васильевича Бондарева.

Ранним утром 4 октября лучезарное небо Москвы взорвали адские взрывы танковых снарядов. Дом Советов был расстрелян. Америка транслировала этот расстрел на весь мир силой своего телеканала. Россия была унижена, распята, подавлена, оскорблена.

“В том белом здании сидели люди, избранные народом. И плохие они или хорошие, устраивают они кого-то или нет, — это законная власть. И если армия стреляет в эту законную власть, в депутатов, избранных народом, значит, по формальной логике, она стреляет в народ. Значит, там были наёмники, и за спиной их стояли люди, которым не дорог свой народ”.

Такой вывод сделал великий русский гражданин, преданный сын своей многострадальной Родины, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и двух Государственных премий СССР, лауреат Государственной премии Российской Федерации имени маршала СССР Г. К. Жукова в области литературы и искусства, обладатель литературной премии имени Льва Толстого, мысль которого — “в художественной правде — трезвость, влюблённость, элемент фантазии, гротеска, идеал. А идеал — это путеводная звезда, без неё нет твёрдого направления, а нет направления — нет жизни”. Мысль гения русской словесности — опора в основе художественного творчества писателя Юрия Бондарева.

*Москва,
2 апреля 2020 года*